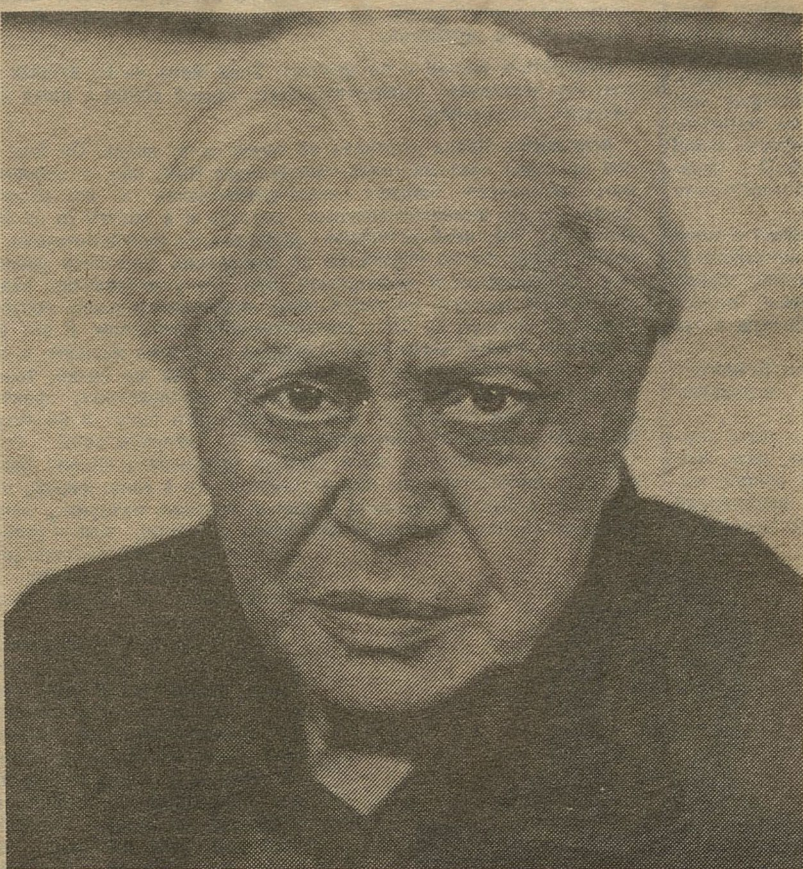

5 июля 1992 года Сергею Владимировичу исполнился бы девяносто один год... Без малого весь двадцатый век. Родился, жил и умер в Москве. В одном городе, но в разных государствах, в разные эпохи. Это интервью появилось в результате телефонных переговоров, встреч у него дома и в театре в начале сентября 1982 года, но не было тогда напечатано по разным причинам. Сергей Владимирович во время наших встреч выглядел расстроенным, был раздражен, сердит, о причинах спрашивать было неудобно и неуместно: мало ли что могло сердить и раздражать такого человека в 1982 году...

— Я не люблю давать интервью! — категорически заявил он. — Потому что скажешь одно, а напишут совсем другое! Потом расхлебывай и объясняйся перед разными... дураками! — Это будет не интервью, а беседа... — Еще хуже! Для беседы нужно настроение, время, а у меня нет ни того, ни другого. Я занят! И потом — о юморе, его сегодняшнем состоянии я не могу сказать ничего интересного и хорошего. В нашей жизни куда больше смешного, чем в рассказах, спектаклях, кинофильмах. На каждом шагу недостатки, какие-то безобразия, нарушения, подлость, невежество, глупость! Масса сюжетов! А читаешь юмористические страницы в газетах — скучно! Какие-то выдуманные конфликты, высосанные из пальца сюжеты, все одинаково, примитивно и совершенно не смешно! А сатиру без смеха я не признаю.

— А как же гоголевский «смех сквозь слезы»?

Неделю. - 1992. - май (нояб.) - с. 12.

СЕРГЕЙ ОБРАЗЦОВ

Неопубликованное интервью 1982 года

— Этого я не понимаю. Или смешно, или грустно.

— Но комическое и трагическое, смешное и грустное в жизни всегда рядом. И в искусстве тоже. Гоголь, Салтыков-Щедрин...

— Что вы мне тычете Гоголя и Щедрина? Это были великие писатели! Когда я читаю их произведения, я хохочу. Написано смешно. Читаю и не думаю о трагедии, которая стоит за всем этим, хотя понимаю: да, была трагедия страны, народа, великие писатели высмеивали причины того, что происходило в жизни общества. Да, «Ревизор» — великая комедия, но я не понимаю, зачем ее нужно ставить сегодня? Я хочу смотреть современную сатиру, а ее нет! И быть не может, к сожалению... Поэтому разговоры о том, кто лучше поставил «Ревизора», Малый театр или театр Сатиры, это чисто профессиональная болтовня. Лучшее всех сыграл Хлестаков Михаил Чехов в двадцатые годы. Андрей Миронов играет себя, поэтому его Хлестаков менее интересен, чем у Соколова!

— А как вы относитесь к советской довоенной кинокомедии?

— Отрицательно! Иногда телевидение показывает, я смотрю и прихожу в ужас: примитивно! Как такое можно было снимать?

— А Чаплин? Его фильмы?

— У Чарли Чаплина была своя тема — маленький человек, который борется за свое существование. Чаплин был великий режиссер и артист. Я смеялся на его фильмах пятьдесят лет назад. Но буду ли смеяться сегодня — не знаю. Недавно видел две его ранние ленты — представляете, совсем не смешно... Искусство, в том числе сатира и юмор, должно развиваться. Нельзя жить только прошлым.

— Театр Сатиры готовит сейчас премьеру пьесы Эрдмана «Самоубийца». Все ждут с нетерпением, а это ведь тоже из прошлого.

— Это прошлое еще продолжается! Потому что запретят, или испортят! Но жду и надеюсь...

— У нас были Зощенко, Ильф и Петров...

— Я был знаком с Зощенко, встречался с ним в Ленинграде и в Москве, но дружен не был. Зощенко талантлив, остроумен, но он однообразен! Все его типы, мужчины и женщины, говорят одним языком, все они — одна маска обывателя двадцатых и тридцатых годов. Ильф и Петров талантливые сатирики, их романы великолепны, но они остались в эпохе, которая ушла. А где сегодняшние сатирические романы, повести, рассказы? Их нет! Я выпиываю журнал «Крокодил», но читаю только фактические материалы — вот сатира! А рассказы не читаю — скучно. Я выпиываю «Известия», с интересом читаю информацию и фельетоны.

— А «Неделю» читаете? Мы тоже печатаем сатиру и юмор...

— На «Неделю» почему-то нет подписки, а бегать по газетным киоскам у меня нет времени! Нет, не читаю. Да вы, небось, тоже всякую чепуху даёте? Сейчас ведь выдумают всякую ерунду, чтобы только рассмешить читателя. А мысли нет, есть хохмачество. А я терпеть не могу разного рода хохмачей и трепачей. Я хорошо знал Евгения Шварца, дружил с ним. Это был остроумнейший человек, но в его остроумии всегда была мысль. Я знаю сегодняшних салонных хохмачей, некоторые буквально сыплют остротами, но в них нет мысли! Только игра словами. А талантливый человек не может играть словом, он им дорожит.

— Иногда говорят, что талант — это отклонение от нормы. И талантливого человека воспринимают именно как...

— Как сумасшедшего? Вполне возможно. Очень даже возможно! Талант раздражает, мешает, пугает... Вспомните Чаадаева! Но... Так что еще?

— Как вы относитесь к пародии?

— Это не жанр, как самостоятельное творчество существовать не может.

— Но существует!

— Я не признаю пародию. Пушкин писал эпиграммы и пародии. Но он был великий поэт! Нельзя делать пародию специально, профессией, как это сделал Александр Иванов. Это паразитический жанр. Зиновий Гердт очень талантливый человек. Он много играет в кино, из-за этого ушел даже из нашего театра. К сожалению. Пишет стихи! Но обязательно «под кого-то», и это не пародия, нет, он блестящий имитатор, это его хобби. Но он нигде не печатает эти стихи! И правильно делает, потому что он слишком любит поэзию. Сочиняет для собственного удовольствия. К. С. Станиславский, когда принимал в труппу молодых актеров, никогда не требовал от них имитации, пародирования, не считая это искусством. И я с ним совершенно согласен. Это для капустников. А сегодня появилось много имитаторов на эстраде на потеху публике. Даже певцов имитируют! Это может быть смешно, но зачем кого-то передразнивать? Это вторично, а артист должен быть оригинальным.

— И писатель тоже...

— Именно! А многие пишут «под кого-то», поэтому много серости. Один подлаживается под Льва Толстого, другой под Чехова, а третий вообще под... Пруста. Ха-ха-ха! Чужь какая-то... Писать надо тогда, когда хочешь и можешь высказать что-то свое. Зачем повторять уже известное? Одна газета предложила мне недавно написать статью, эдакое обращение к молодежи, какой ей надлежит быть. Представляете?! Я отказался, потому что не хочу повторять то, что всем известно: надо быть умным, хорошим, слушаться родителей и т. д. Я сказал,

что напишу другую статью: «Мы виноваты!» Потому что дети не рождаются дурными, они становятся такими потому, что мы сами, взрослые, не всегда хорошие. И мы виноваты, если молодежь груба, развязна, лжива и ленива. Я как писатель могу быть интересен только тогда, когда говорю и пишу свое, выстраданное. А у нас много врут... Ради денег. Я никогда ничего не делал ради денег, хотя люблю деньги, они мне нужны. Но я всю жизнь занимался и занимаюсь тем, что мне хочется. И за это мне платят. Что еще вас интересует?

— Ваше отношение к поэзии. Каких поэтов вы любите?

— Я люблю тех поэтов, которых понимаю. Понимаю Пушкина, Лермонтова, Есенина, понимаю Маяковского и Владимира Высоцкого. Но вот в творчестве Бориса Пастернака я не понимаю и половины стихов. Не понимаю, и все тут! Даже многие стихотворения любимой мной Анны Ахматовой понять не в состоянии... А современных поэтов не читаю. Все очень похоже, однообразно, на это нет времени.

— Кстати, Маяковский ведь был и сатириком...

— Думаю, что он был не очень сильным сатириком. Сказать «сифилида» вместо «сильфида» — это не остроумно. Что еще?

— Вы директор и главный режиссер театра. Какие у вас взаимоотношения с подчиненными? В том смысле, что над вами, руководителем, могут пошутить, разыграть вас? Люди ведь творческие, актеры, режиссеры.

— Я не люблю розыгрышей! В них есть какая-то ущербность, глупость. Никогда никого не разыгрывал, не помню, чтобы разыгрывали меня. Но я человек рассеянный, могу, например, прийти в театр в разных ботинках... Смеются... И я смеюсь вместе со всеми.

— Кроме театра, который поглощает все ваше время, вы работаете для телевидения, пишете книги. Недавно вы говорили, что пишете сценарий фильма об охране окружающей среды. Скоро он выйдет?

— Я начал работать над сценарием, который называется «Завтра будет поздно!». Но театр настолько поглощает меня, что нет времени закончить эту работу. А состояние природы меня очень тревожит, оно просто катастрофическое!

— Но... завтра будет поздно?

— Да, да, надо сегодня уже что-то делать. Ничего нельзя откладывать на завтра и тем более на послезавтра, потому что может быть слишком поздно!

Беседу вел
Игорь ЯРОСЛАВЦЕВ.
Фото автора.

Многое, о чем говорил, сетовал, что предсказывал десять лет назад Мастер, произошло, состоялось, свершилось и... повторилось. Так, своим тернистым путем прошел «Самоубийца» Эрдмана и другие опальные пьесы. И, к примеру, на «Неделю» объявлена подписка. Но — горько сознавать! — ушел сам Мастер. И сегодняшний разговор с ним из прошлого — последние донесенные до нас живьем мысли неординарного, ершистого, поразительно талантливого и честного человека.